

КРОКОДИЛ

Почетный грузин.

«Хотя меня и избрали почетным грузином, но все же позвольте мне протестовать против русского шовинизма.»

Из речи тов. Бухарина на XII-ом съезде РКП.

Рис. Д. Моора.

Тов. БУХАРИН (почетный грузин): — Теперь меня дразнят грузином, а я вот возьму и выучусь по-грузински. Приду на Тыфлис, скажу: гэй, кацо, кто тут националов давит? Давай его сюда — кыжалом рэзить буду!..

РОКОВАЯ БОЛЕЗНЬ.

Рис. Д. Мельникова.

Болезнь Бонар-Лоу затягивается, газеты называют эту болезнь политической. Из газет.

Лойд-Джордж:—Я знаю эту болезнь. Сам недавно болел. Эта болезнь всегда кончается опс а кой!

Мечты.

Костин в эту получку почти что ничего не получил: аванс вычли — больше половины жалованья, потом за квартиру надо было заплатить, за воду, за электричество — тут бы двум сотням остаться — да и то на выигрышный билет подписался...

На три дня на обед хватило — а потом и зубы на полку.

— А все-таки о билете не жалею... Ведь комунибудь да достанется выигрыш — так почему бы и не мне? Чем я хуже других?

А на улице висят плакаты: «4.000.000.000.000 рублей.»

— Вот бысто тысяч выиграть! Шутка ли — четыре триллиона — тут на одни нули жить можно — сколько их!.. Что бы я сделал на четыре триллиона...

— Во первых пошел бы в столовую и заказал сразу три обеда — подумал Костин, потому что ему очень хотелось есть, а денег не было.

— Ну — это пустяки. Три обеда! Можно пообедать в «Ампире»... с вином... Сколько стоит обед?

Посчитал — выходит, что на одних обедах сколько ни ешь — все равно во всю свою жизнь таких денег не проживешь!

— Брюки купить — сапоги... Ну, п л том что? Вот нашел — квартиру...

Комната была у Костина в подвале, сыро, темно, грязно.

И опять выходит, что на всю жизнь сто тысяч хватит...

— Службу, конечно, по боку! Чорт с ней, со службой! Костин вспомнил, как заведующий позавчера сделал ему выговор. — Уйду со службы, найму автомобиль и мимо заведующего — как проскочу! И еще закричу: берегись! А он так и отскочит...

— Берегись! — закричал извозчик. — Какого чорта под ноги суешься!..

Костин поспешно отскочил — и заметил, что идет посреди улицы, и чуть под лошадь не попал! А на извозчике — заведующий!..

— А ты чорт! — возмутился Костин. — Ну, я тебе и не так покажу. Покланяешься мне... Вот выиграю сто тысяч...

Костин пошел дальше.

— Ну хоть и не сто — а пятьдесят... Это все равно — век не истратишь! Все равно со службы уйду и буду...

А что он будет делать — Костину и воображения не хватило! Как ни высчитывал — все равно много остается.

— Буду учиться...

И опять подумалось — скучно!

— Мне бы только квартиру, потом одеться... Довольно и 10.000... или даже 5.000 довольно. Пять тысяч уже совсем легко выиграть — десять выигрышей. Сколько я получаю — 50 рублей золотом. Значит — сто месяцев... Почти десять лет...

Проходил как раз мимо магазина готового платья.

— Вот этот костюм... Пальто... сколько стоит?

Рассчитал — ровно на пятьсот золотом можно одеться...

— Ну, мне и довольно — пообедать то останется, а там и жалованье подойдет...

Костин пошел дальше. Голод давал себя знать. Он останавливался перед всеми гастрономическими магазинами.

— Вот этой колбасы... Балык... Икра... Всего этого накупить — надо сто рублей... Потом брюки, брюки совсем разорвались — ну еще семьсот...

Рассчитал — ровно восемьсот миллионов.

— Мне бы на все хватило...

И выиграть легко, пять тысяч выигрышей по 20 рублей — как раз восемьсот лимонов...

Костин шел дальше и думал:

— Сто лимонов — это хватить на то, чтобы...

И так задумался, что и заметил, как с товарищем столкнулся:

— Костин! Куда ты? О чем задумался — даже меня не узнал!

Костин очнулся:

— А, это ты — Петя?..

— Ну, о чем ты так задумался... Скажи, брат?

Костин посмотрел на улыбающееся лицо товарища и сказал:

— Думаю, где бы два гривенника на обед достать... Жрать хочется!

И они вместе пошли обедать.

Бибера.

Рис. Д. М.

Товарищ, не забудь, что надо послать 5 рублей на аэроплан «КРОКОДИЛ»!

117 X

БАЛ-ГАЛА.

Извозчик № 2711 Пров Нитудыкин получил два билета на концерт-бал в пользу милиции. Случилась эта печальная история так: ехал Пров с седоком очень беспокойным: спешил седок на вокзал. На углу Пустой улицы завернул Пров по непоказанному месту, чтобы сократить расстояние, не объехал милиционера. Тут милиционер и схватил лошадь под уздцы.

— Почему не объезжаешь?

И попал Пров в комиссариат. И пришлось купить Прову два билета на концерт-бал...

Ехал Нитудыкин вечером домой, вертел в руках зелененькие бумажки и думал:

— Разорвать или нет? Черт знает, как бы еще в историю не впутаться, может это квитанции какие...

И звучали в ушах Прова комиссарские слова:

— Завтра в 8 часов в бывшем дворянском клубе! Понял?

Понять-то Пров понял: должен он явиться, — а к чему неизвестно. Неужто судить будут? Тогда зачем комиссар наказал жену брать? Зачем говорил, что музыка будет?

Махнул Пров рукой.

— Ладно, покажу бабе, баба разберет! Она грамотейка!

Баба почтала, подумала и решила:

— Иттить обязательно! Захвати трудовые книжки и промысловое свиде-

тельство. Тут что-то не по нашему: «Бал-гала» стоит. «Балгала» — это не иначе как проверка какаянибудь.

На завтра в 8 часов у подъезда бывшего дворянского клуба стояло извозчиков видимо-невидимо. Были тут и лихачи с дутыми шинами и средней руки Ваньки и даже ломовики.

— Вишь, не зря я тебе говорила — проверка! — шептала Прову жена. — Все наши тут

Кутепинский Ванька взялся лошадь посторожить:

— Иди, дядя Пров! Папанька уж там! Я вон и за Митриевой лошадью гляжу.

Пров с женой — вошел, разделся и показал зелененькие бумажки.

Мигом провели их в большой светлый зал. В этой зале тихонько, сидя на краешках стульев, жались по сторонам извозчики. В первых двух передних рядах сидели милиционеры, помкомиссары и сами комиссары.

У Нитудыкина забилось сердце и душа в пятки ушла.

Робко отыскал он глазами Митрия Кауркина и подсел рядом:

— Митрий, ты за что?

— Сшиб там одного, не доглядел! А ты?

— Не объехал! А Кутепин за что?

— Черт его знает. Кажись по трамвайной рельсе ехал, за это. Ведь ломовой он. Нельзя!

— А что же теперь будет?

Митрий открыл рот, но не успел ничего сказать. На сцену вышла дама

в блоне шелковом платье и запела романс:

— Ямщик, не гони лошадей!

Потом опять читали, пели, играли. У Прова в глазах пошли зеленые круги: устал и захотелось есть.

Митрий вздыхал и шептал Прову: — Пива три бутылки выпил. Нешто я знал, что такое дело? Прямо хоть лопайся!

Жена Прова спала с открытыми глазами. И кругом слышалось грустное побрякивание извозчиков.

А концерт все шел и шел.

Наконец, человек во фраке прокричал:

— Антракт пять минут!

Милицейские зашевелились, встали. Встал и Пров, встал и Митрий.

— Уйтить бы!

— Да, попробуй, уйди! Эва их сколько!

— Не могу, я не выдержу!

— А ты спроси, вон Кутепин идет, может он знает, где тут что?

Митрий метнулся к Кутепину, но тотчас же вернулся грустный:

— Не знает.

— А ты на улицу.

— Да нешто выпустят!

И вдруг Митрий решился на последний шаг. Мимо как раз проходил знакомый помощник комиссара.

— Товарищ комиссар! Когда же проверка будет? Отпустите душу на покой. Мочи моей больше нету!

Вас. Лебедев.

Был — и уехал.

Рис. Ив. Малюткина.

Союзная рейнская комиссия отдала распоряжение о высылке Радека в случае прибытия его в какой-либо из оккупированных районов Рурской области. Из газет.

Барышня (контролеру): — Да пропустите-же, наконец!

Контролер: — Докажите сначала, что вы не Радек!

Жизнь человека по уездному Наркомфину.

Рис. М. Черемных.

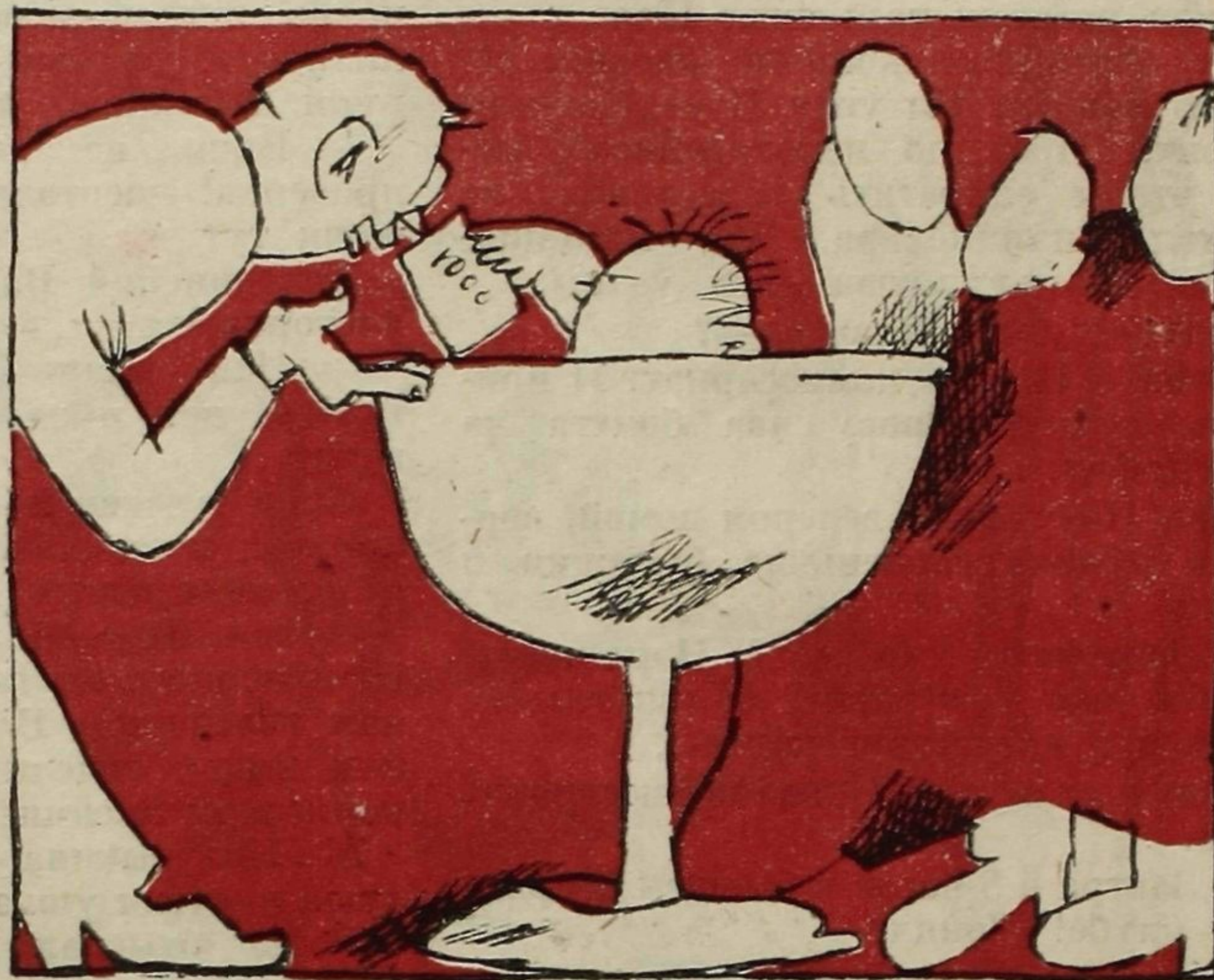
Налоговая политика доходит в глухой провинции, особенно в уездах, до „скверных анекдотов“.

Из газет.

1. — В Финотделе истощение.
Да-с, бюджет у нас убог...

Гражданинчик, за рождение
Вы внесите рожднalog!

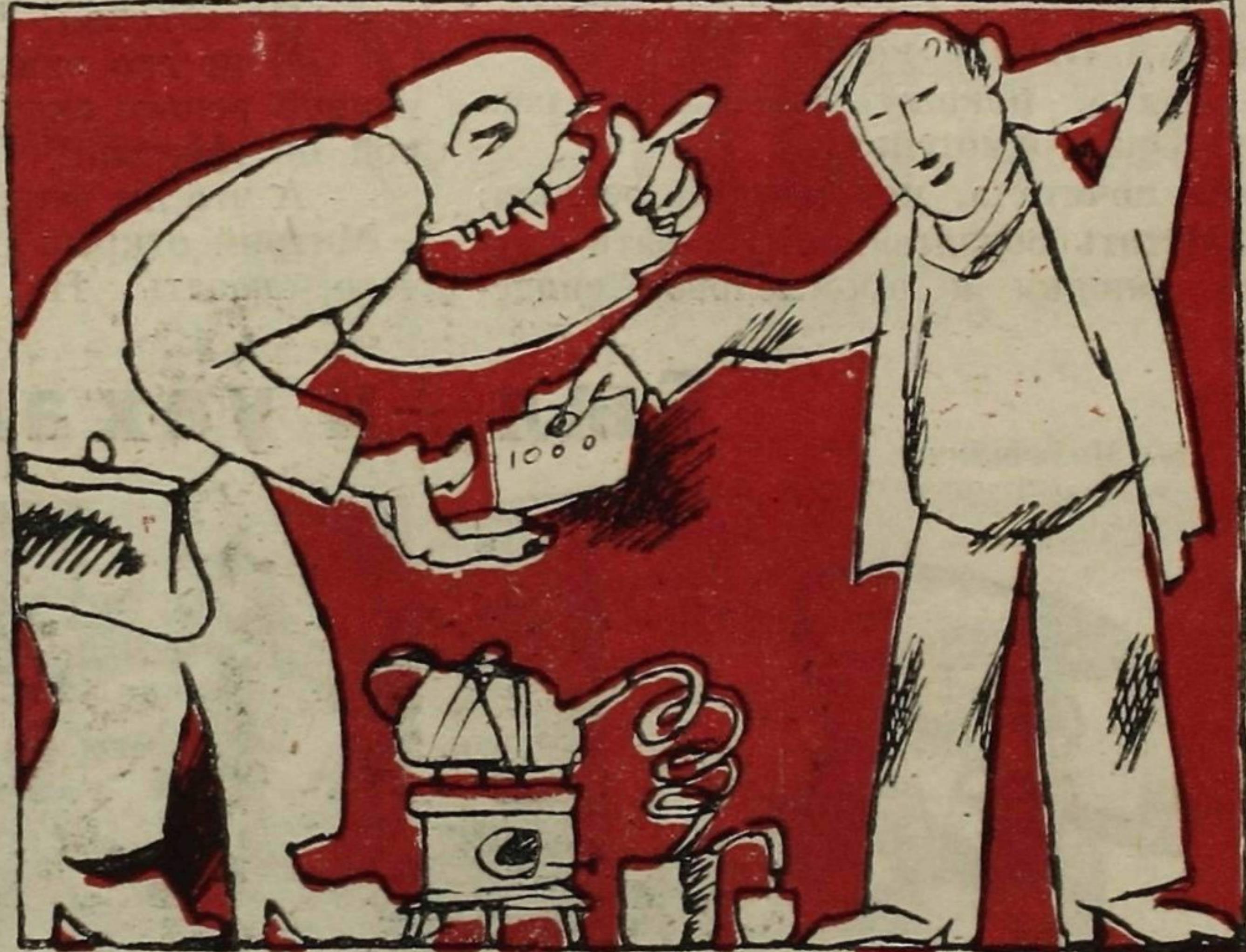
2. — Исполняя поручени,
Я бежал, не чужь ног...

Вы немедля за крещение
Мне гоните крестнalog!

3. — Близо службы окончание.
Вот расписка, женишон.

Улатите за венчание
Повенечный венчнalog!

4. — Пьете влагу самогонную?!
Ну, да, впрочем, я не строг:

Срочно мне за влагу оную
Дайте самогоннalog!

5. — Что? С женой уже повздорили,
Хоть прожили лишь годек?..

Все дозволим: радость, горе-ли,—
Нам гони разводнalog!

6. — Зкий чорт! Лежит спокойненько!
Как цветочек, он поблек...

Ах, как жидко, что с покойника
Не получишь смертнalog!

Майский апрель.

Рис. Д. Моора.

Итальянский совет министров постановил уничтожить празднование первого мая. Из газет.

КОРОЛЬ: — Странно! Мы заменили праздник 1-го мая—праздником основания Рима—23 апреля, а народ празднует первое мая! В чем дело?
МУССОЛИНИ:—Они перенесли 23 апреля на 1-ое мая, ваше величество, в знак того, что римская волчица породила, наконец, такого волка, как я!

ЦЕПОЧКА.

Леночка была машинисткой того же подотдела, и то обстоятельство, что помощник заведывающего Сычев почувствовал к ней неожиданно странное влечение, вызвало в нем и неодолимое смущение, и досаду на самого себя.

— Не есть ли это влияние мелкобуржуазной стихии? — размышлял он: — Допустимо ли врид заведывающему возыметь тяготение к сотруднице 9-го технического разряда?

— Впрочем, — успокаивал он себя: — очевидно, я просто выделяю этого товарища, как исполнительную работницу.

И Сычев угрюмо нагнулся над письменным столом.

* * *

— Тов. Сычев — улыбнулась Леночка, столкнувшись с ним при выходе из подотдела: — нам, кажется, по одной дороге...

— Извольте — некстати буркнул Сычев и, густо покраснев, выругался за недопустимую слабость.

— Представительница внеклассовой интеллигенции — злобно подумал он — действует на мою психику атрибутами буржуазного соблазна.

Рис. М. Черемных

И Сычев почти с ненавистью уставился на ее белокурые локоны, на сочный и спелый рот и стройную девичью фигуру.

Но был апрель, над крышами чудесно просачивались первые звезды, из под выреза костюма соблазнительно белел кусочек кружева, — и Сычев, взяв Леночку под руку, беспечно зашагал по Садовой.

— В конце концов, — оправдывался он перед самим собой, — она же на советской платформе, и идеология ее, может быть, вовсе не буржуазная!

* * *

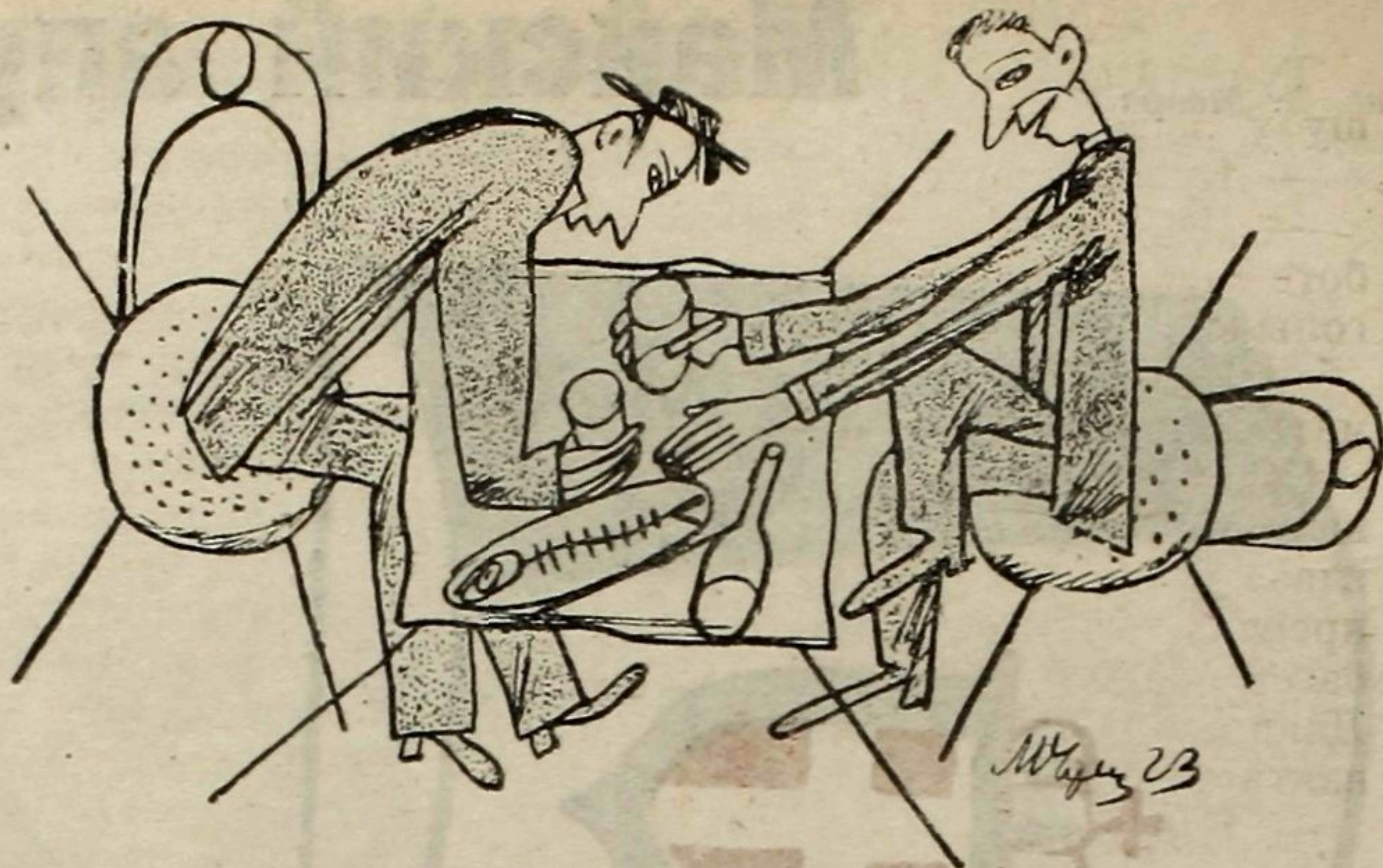
Сычев сидел у себя в комнате и беспомощно рылся в книгах, когда вошел Мезенцев.

— Ты чего это? — удивленно спросил вошедший. — К проверке политзнаний готовишься, что ли?..

— Видишь ли — мрачно ответил Сычев: — я всю ночь просидел над «Азбукой Коммунизма» и так и не получил ответа. Должно быть, в «Капитале» у Маркса есть об этом. Ты ведь читал «Капитал»? Скажи мне: совместимо ли с классовым самосознанием влечение, называемое буржуазными идеологами любовью, — или несовместимо? Могу ли я, член партии с 20 года, направиться в Закс с честной, но беспартийной сотрудницей, или не могу?

— У Маркса все есть, но я его не читал! — сознался Мезенцев.

Рис. М. Черемных.

Мезенцев: — А в отношении любви полагаю — возможно. А, впрочем, выясни в Райкоме. На том и решили.

* * *

— Товарищ — спросил Сычев у кого-то в Районном Комитете, — не является ли нарушением партдисциплины для коммуниста с 20 года, физическая близость с незнатной и беспартийной интеллигенткой?

— Как вам сказать? — задумался спрошенный: — это сложный вопрос. Я думаю... да нет... подайте лучше письменное заявление, мы рассмотрим...

* * *

Райком упорно не отвечал и, невольно нарушая дисциплину, Сычев сидел с Леночкой на бульваре и, пожирая ее влюбленными глазами, спрашивал:

— Товарищ, согласны ли вы с резолюцией съезда по национальному вопросу?

— Да! — машинально бросила Леночка и думала: — «Какой глупый!..»

— Считаете ли вы всякую религию опиумом?.. — продолжал Сычев.

— Да... — шептала Леночка, — считаю...

«Женюсь — решил Сычев, — она будет верной подругой истого пролетария!..»

И он впервые приблизил губы к розовой щеке. И — о, ужас!.. — на шее ее поблескивала золотая цепочка.

— Крест! Она носит крест! — в панике забормотал он и стремительно побежал прочь.

Леночка плакала.

* * *

Через месяц Леночка вышла замуж за агента Центросоюза, а через два Сычев встретился с ней в коридоре.

— Почему? — смахивая невольную слезу, спросила Леночка.

— Крест! — снова приходя в ужас, забурчал Сычев и уставился на злополучную цепочку.

— Какой крест? — широко раскрыла глаза Леночка и, выдернув из-под выреза платья конец цепочки, показала Сычеву овальный золотой медальон.

Свен.

„СОЮЗ ДЕВЯТИ“.

В гор. Липецке своеобразный «союз» 9 пекарей предпринимателей забрал в свои руки все булочные и немилосердно грабит население.

Из газет.

По сто рубликов платите —
Будет вам по калачу —

Да смотрите — не скулите,
А не то поколочу!

(Почти из Пушкина).

ДЫР-ДОСКА.

Туляк Вавила, музыкант, нагнал Гришу у роши.

— Куда тащишься?

— Да ведь—куда? Во гора-ад. Работе-ешка какого поискать по-ошла,—голы-ыд, милай! А ты?

— И я. Вместе. Ну, и жар-ра, мать-мать-мать! Отдохнуть бы.

Свернули в рошу. Шли тенистыми волчьими тропками. В густой траве глаза вышаривали лом,—тут спинку от кресла, там пузатую ножку от рояля, багет через коленку перехоряченный. Давно валяется, сгнило, расползлось,—взять нечего.

— Гляди, богатея зорили тута, милай,—тянул Гриша.

— Видать—богача. Помещика, мать-мать-мать!—рубил туляк.

Прилегли в тени у ручья, напились всласть. Гриша освежил водицею румяное молодое лицо. Отдохнули—знакомиться надумали.

— Голодуете, говоришь?

— И-и-и, не калякай, милай! Та-акой ли голодуха-а.. Инда не-ет!

— Из мордвов, говоришь?

— Мо-орд-ва-а. Жона селе кидала. Есть не-ет! Бя-ада! Город иду,—хушь дворники, хушь каравульчики. Жона молодой... Эх!

— Чего вздыхать? — там добра этого—пруды пруди.

— Дарма—ке ле, хе-хе... Мой жона, Груня, ух карасивай!.. С лица—ангыль, сказать тебе. Семь годов иши—не найдешь такой красивой... Э-эх!

Утешал Вавила Гришу сигаркой.

— Не рюмь, мордва. Работу подыщешь,—Груню к себе выпишешь, мать-мать.

— Дай господи, Микола милосливай!

А ты, милай, во город по-ошто?

— Ярмонка там. Музыкаю промышленям. Видишь—мешечище-то, мать его? Струмент, мать-мать. Гармонь, губнешка, барабан, а в нем тарелки, угольник, калпак. Развесишь, это, все на себя да вдаришь—приходи смотреть!

— При-иду-у!—счел поговорку за приглашение мордвин.—При-иду, милай!

— Ну, то-то же. А, пока—что,—шагаем-ка. Отдохли.

Зашагали. И только лишь выбрались на яркий зной, мордвин:

— Э-х!—крякнул,—галядика-сь, рамка та ка-акой карасивай!

— Где рамка?—ворочал глазами туляк. И увидел под кустом орешника ярко красную, лаком блестящую на сочной зелени рамку с подаршина в квадрате. Щитом вырезана, поля широкие, снизу кругло, сверху прямо, по середине дыра—дыню больше головы сво-

бодно введешь. План возник: «А отменная штука, мать-мать, ежели, при полной-то снасти, да на шею,—приходи смотреть!»

— Моя!—крикнул Вавила.

— По-ошто—твой?—Я раньче тебя увидала досчечку-то с дырачкой!

— Да на кой она тебе?..

— Мене-та-а?.. Хе-хе.. Мене вот на что, милай. Там, во городе, каравульчики не то дворники предельюсь, жона город беру. Праздник пришла,—коло голова рамку: жона Груня скрозь дырочку галядит... Эх, карасива,—думай, милай! Лицо бе-е-лай, брови да волосья черной, глаза большой да синяй, а рамка караснай—караснай... Э-х!

Даже слезинки в глазах у эстета.

— Глупости!—рубнул практик.—Мне, пойми, для-ради промышленности. Мне на нужное дело. А потому и—моя!

— Обиждать хочешь, милай... Пс-ошта?.. Я перед тебя увидала. Где совесть та? Господь накажет, мотрай, милай!..

Рабкоры.

Рис. Д. Моора.

Сквозь бездны злобы и преград
Сердца рабкоров правдой пышут,

Они и день и ночь подряд
В свои газеты пишут, пишут...

Чуть не плачет. Глубоко затронул. Подумал Вавила и

— Ну, ин-коль-так,—говорит,—ладно, обижать не стану, а на ройзыгрыш давай,—кому достанется. По-божьи, стал-быть,—понимай. На ройзыгрыш хочешь,—по-божьи?

— По-о-божьи,—чего лучше!—давай, милай.

— Ну, вот. Кто скорей назовет,—тому и красная досчечка с дырочкой.

— Ла-н-на.

— А чтобы обману—ни боже мой, то—вот как: ты, стал-быть, первый увидел, первый и начинай. А я уж—после, потом, за тобой начну называть. Валий!

Обрадовался Гриша: по-божьи. Улыбнулся рамке, заторопился:

— Карасна с дырой досч...

— Дыр-доска!—гаркнул туляк.

Схватил рамку, кивнул, подмигнул и—лататы по большаку в город.

Гнал за ним Гриша, что есть силы,—не догнал.

Пришагал в город после обеда. На его счастье из вхутемаса уборщики в экосо сбежали из-за пайка,—живо пристроился. Каморку под лестницей отвели,—хоть тут-же жену Груню выпишывай. Ну, а уж насчет того, чтобы ее в рамку вставлять,—сумленье взяло, как с работой своей ознакомился. Данное же обещание притти смотреть в уме держал, и, праздник подоспел, отправился честный мордвин на ярмарку.

Народу этого—«скрозь челэка руки не просунешь!» А уж коло забора сгрудились,—ярдань! У забора же, поверх голов, колпак высокий остроконечный качается, колокольцами звенит под музыку: «ну, он и есть, мотрай!» Насилу продрался,—он. В руках гармонь, у рта гармошка, локти в бубны, нога с проволокой к боталу в барабан дует: весь так ходенем и ходит, играет. На шее же, вся в бубенчиках золотеньких, так и рдеет на солнышке—она, крас-

ненькая-то дощечка с дырой,—ну, загляденье! И не узнаешь,—так вся изукрашена.

Всмотрелся Гриша, припомнил кое-что, сообразил. Да как захохочет во все мордовское горло. Обернулись все, попятнулись,—сумасшедшим сочли.

— Ты чего это ржешь? — осерчал один, в ремнях, с левольвертом о двенадцати присталетах.

— Да ты галядика-сь,—кричит Гриша, хохочет,—чего на шею-то он вздел, рожа его бесстыжая? И в хутемасо, и в экосо, и в укрпромторсбе,—сама видела,—в этот дырдоска задами, а он святой головушкой взделся, ха-ха-ха! Эх, как бы Груню то я изобидел,—

бог спас, Микола милосливой!.. Дыр-доска, ха-ха-ха!

— Где? где? какая дырдоска?—вытянули шеи зеваки.

— Да на шее-то, галядика, а ты: дырдоска ведь это, милай... Ха-ха-ха!

И пошла ходить с этого часу дырдоска по ярмарке, а с ярмарки и по всему городу. Из городу с подводами по округе разошлась.

Вскорости, мотрай, и до Москвы дойдет.

Перевел с мордовского Гольдебасе.

Ероплан.

(Быль).

Жителей местечка Грицево разбудил в 5 часов утра резкий шум. Гудел воздух и слегка дрожали стекла хат.

— Не землетрясение ли? — шамкал про себя старый Опанас, ища босыми ногами свои лапти. — Эх, посмотреть надо-ть.

И старый Опанас глядел долго, не веря своим старым подслеповатым глазам. По небу кружилась большая птица со странно отточенными крыльями. Хрипела она тяжело, будто ее ранили, и она с трудом глотает воздух. А воздух шипел, точно вода на раскаленной плите.

— Чудно! — шамкал Опанас. — Такая птица, такие крылья—и воздух режет. Разбудить бы кого!

Опанас достал свою суковатую палку и стал ею барабанить по наглухо закрытым ставням.

— Вставай, православный люд, — скрипел глухой голос старого Опанаса по спящим улицам Грицево, — конец мира пришел...

С шумом и скрипом стали открываться ставни. Высовывались нечесаные головы, голые мозолистые руки.

— Что? Пожар? Где горит?

— Какой пожар? — шамкал в ответ Опанас. — Никакого пожара, а конец мира. Птица кровавая, шипящие крылья... Ох!

И упал без чувств. Когда стали его тормошить, птица давно улетела, а какая-то женщина с лицом пергаментного цвета на все местечко голосила:

— На кого ты нас покидаешь? На кого ты нас сиротинушек оставляешь?..

Грицево больше не спало. Не до сна было!

Кончено! Грицево лишилось своего покоя. Каждое

утро, ровно в 5 часов, воздух гудел и трясся, а чудовищная птица реяла по самому небу. Старый Опанас, лежа в постели, цедил сквозь гнилые зубы:

— Тяжелое знаменье. Не миновать войны!..

Поверило Грицево, что это так. Переполошились молодухи, испугавшись вдовьей доли. Стали плачущих детей пугать птицей небесной...

Казалось, густые сумерки окутали Грицево. А поспехидно пугал:

— Подождите, за грехи еще не то будет! Знать, отвернулся господь от земли сей...

* * *

В 7 часов утра пришел в Грицево плотный парень в кожаной тужурке и ходил из дома в дом, спрашивая:

— Нет ли кузнеца? Аэроплан надо починить. В поле ждет...

Пошли любопытные ребята на аэроплан поглядеть и

увидели на земле... птицу небесную. Узнали в Грицево, что птица называется «еропланом» и летит бензином. Пришли глядеть да шупать. Шупали долго, недоверчиво. А ребята шутили над пугавшими их матерями, пугливо ухая:

— У-у, кусается...

* * *

Аэроплан на виду у всех заревел, затрясся и полетел.

— Ну и «ероплан», — дивилось Грицево, — все царство небесное захватил...

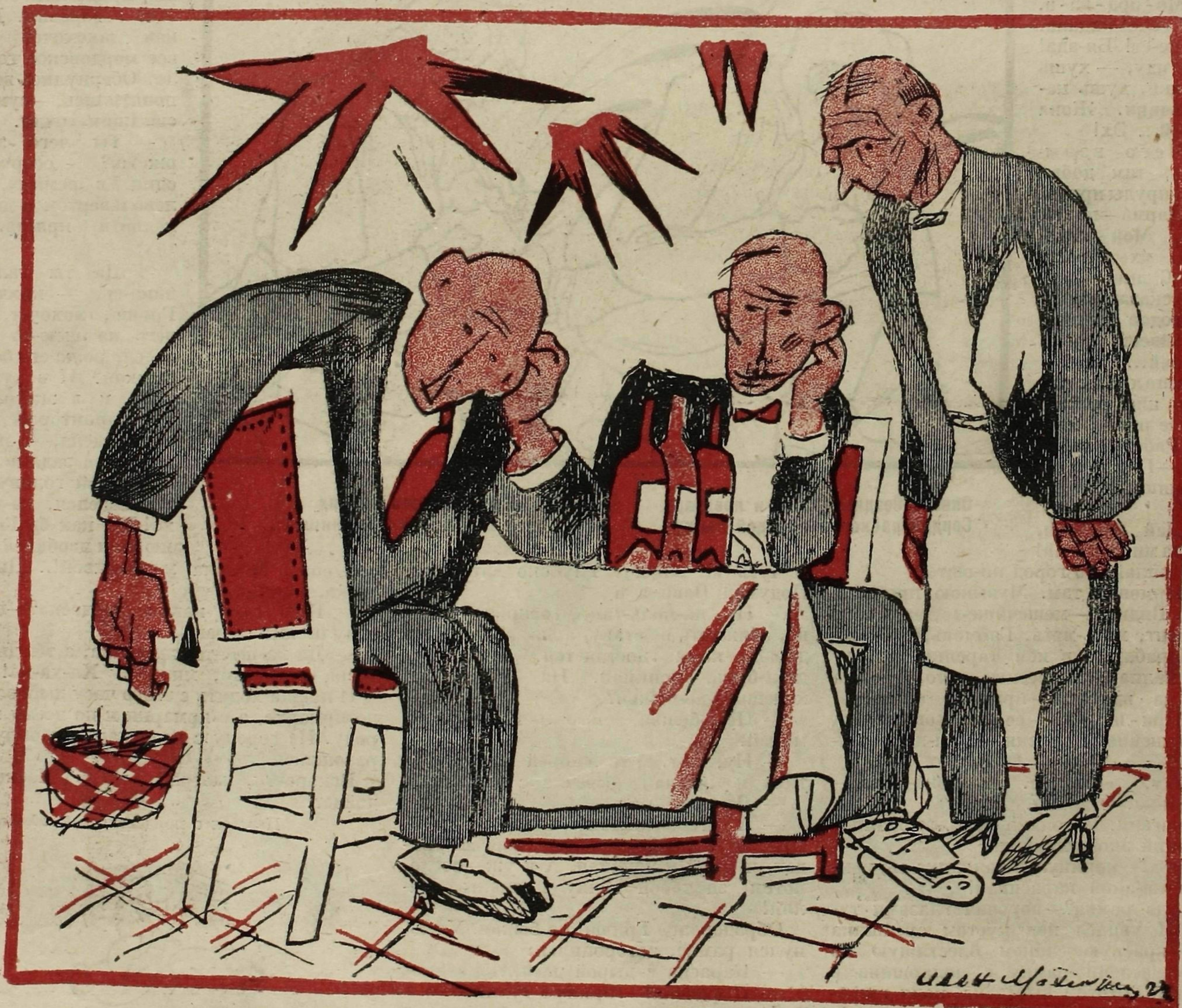
Крепко спали ребяташки в эту ночь: их больше птицей небесной не пугали.

Крепко спалось и молодухам. Поняли, что разговоры о войне—брехня одна.

Ворочался с бока на бок поп. Думал о том, что «ероплан» отнимает у бога царство небесное, а у него—царство земное. А о втором жалел больше, чем о первом...

М. Осипович.

Рис. Из Малюхи а.

— Извольте уплатить по счету!

— Сейчас в Доме Союзов разыгрывается выигрышный заем. Мы выиграем и сейчас-же уплатим

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСИН.

На страницах „Правды“ журналист тов. Сосновский ведет усиленную полемику с хозяйственником тов. Красиным по вопросу о пользе и вреде концессий.

Рис. Д. Моора.

Сосновский:—В пору-ли вам эта калоша?

Красин (с достоинством):—Не место красит человека, а человек—место!

РАЗГОВОР.

Канитель одна.

Перед редактором еженедельного сатирического журнала стоял молодой вихрастый сотрудник и нервничал:

— Так же нельзя! Из номера в номер: самогон, взятка, темнота или наоборот: темнота, взятка, самогон. Ведь есть же другие темы!

— Конечно, есть. Мы их и берем: политические темы, иностранные...

— Ох, лучше бы их не давать! Это еще хуже, чем самогон и взятка—Пуанкаре, Бонар-Лоу, Стиннес!.. Ведь на них смотреть тошно!

— Так какой же ваш совет?

— Да мало ли есть тем! Возьмите деревню...

— А что сейчас особенно важно в деревне? Темнота и самогон. Мы с этим и беремся.

— Возьмите промышленность, возьмите рабочих...

— А что сейчас мешает промышленности? Взятка, волокита! Что губит рабочих? Темнота и самогон! Мы об этом и пишем.

— Но неужели же у нас, кроме взятки, самогона и прочей ерунды, ничего нет?

— Есть. Промышленность наша крепнет, у нас есть много нового всюду, деревня просыпается... У нас есть замечательная красная армия. У нас есть столько хорошего, что и не перечислишь!

— Так почему же об этом не писать?

— И пишут, и печатают. Только ведь какой же у нас оудет сатирический журнал, если мы всех хвалить будем?

— Но можно ведь параллели проводить между нами и Европой... Тут много интересных тем.

— А кто говорил, что Стиннесы надоели?

— Так в чем же выход?

— Есть. Нужно наблюдать жизнь, нужно перестать халтурить, нужно брать не темой, а умением. С хорошей темой всякий напишет.

В. Нумач.

Рис. Ив. Малютина.

- Во, брат! Опять Лозаннская открылась!
- Значит, скоро и Генуэзская!
- А потом и Гагская... А там опять начинай сначала... Канитель одна!

УТЕШЕНИЕ.

Ген. Дегут в Руре заменил немецких машинистов своими солдатами - техниками, что вызвало ряд катастроф.

Из газет.

Пассажир, утирая слезу, завопил:
— В диком страхе брожу точно тенья я.—
Поезда угрожают мне тьмою могил.—
Каждый день по четыре крушенья!

— Как не стыдно!— Дегут на него заорал.—
Вы в крушениях видите гибель...
Почему же ваш взор в эти дни проморгал
Очевидную крупную прибыль?

— Где и в чем же?— На днях в катастрофе
мой брат

Всей лишился руки без остатку...
— Вот и прибыль: отныне ему меньше трат—
Экономия тут на перчатку!

— А племянник мой? Павлю семнадцатый
год.—
Ног лишился у станции «Боши»...
— Значит, трижды счастливее: в кармане
расход
На штаны, сапоги и калоши!

— А вот тестю всю голову—экое зло!—
Оторвало в крушенья, как тряпку...
— Что же, — молвил Дегут, — и ему повезло:
Не потратится больше на шапку!

Красное Жало

Рис. Д. Моора.

Товарищи, напоминайте друг другу
об аэроплане „КРОКОДИЛ“!

Заговорили о жутких моментах в жизни.

— Так вот,—сказал партийный работник.—Попал я по партийным делам в глухую станицу. Приехал ночью. Не успел раздеться, как вдруг распахивается дверь и в комнату врываются здоровенные бандиты. Моментажно схватили меня, обезоружили, выволокли на улицу и поставили к забору. Нацелились винтовками и кричат:

— Ну, собачья душа, дрыгай ногами.

Ну, думаю, капут. Закрыв глаза и жду... Раздался залп... Открываю глаза и вижу: бандиты бегут. Оказывается, стреляли не они, а наши ребята, быстро организовавшие отпор и подоспевшие в самую критическую минуту.

— И это все?—спросила рабфаковка.—Маловато. Вот я, действительно, испытала жуткий момент, длившийся полтора года. Вы знаете, как живут рабфаковцы? Ну так вот. Я полтора года питалась одним фруктовым чаем, жила в комнате с двумя градусами тепла. Вес дошел до шестидесяти фунтов. Наступает день сдачи зачетов...

— Друзья!—улыбаясь прервал рабфаковку редактор уездной газеты,—вы меня извините, но ваши жуткие моменты—детская забава по сравнению с тем, что пережил я. Помимо редактирования, на мне лежало заведывание военной цензурой, отделением Росты, центропечатью, агитотделом политпросвета, ответственное руководство ячейкой и чтение лекций в партшколе. Кроме того, я нес дежурства в отряде особого назначения и набирал заметки срочного характера, когда наборщики, окончив урок, уходили домой.

И вот, однажды, сразу получаю: из парткома предписание срочно провести восемь ударных кампаний, из военной цензуры требование немедленно выехать с докладом, из Росты циркуляр об усилении информации и от начотряда особназнача требование дежурить сегодняшнюю ночь при складе оружия. Посмотрел я на предписания, сделал петлю и полез в нее головой. Спас меня от смерти совершенно случайно местный поэт, принесший в редакцию рукопись поэмы. Начал он читать ее вечером, а кончил на другой день в семь часов утра. Спасибо ему, влил в меня такое веселье, что я переварил все ужасы, которые, к слову сказать, по сравнению с поэмой, оказались действительно детской забавой.

Четвертый собеседник, молодой человек с унылым лицом и совершенно седой головой, молчал.

— А вы, товарищ,—спросила его рабфаковка,—разве не испытали жутких моментов в жизни?

Молодой человек вздохнул и глухим голосом заговорил:

— Я не партийный работник, не рабфаковец, не редактор уездной газеты. Я всего только бухгалтер треста. Но то, что пришлось мне испытать, жутче бандитов, голодовки и редактирования. Как видите, моя голова седая, но я был жгучим брюнетом. Превращение произошло вот от чего.

Однажды приходит ко мне коммерческий директор и говорит:

Рис. М. Черемных.

— Опять ты пьян, храпидол этакой!
— Выпил одну рюмочку—сразу другим человеком стал... А другому человеку—другая рюмочка нужна... ну, и набралось это людей—че... человек до че... четырнадцати...

— Срочно составьте смету в советских рублях для ВСНХ.

Сажусь и не вставая 15 часов делаю смету. Готово. Остается только поставить последний итог, как снова приходит директор и заявляет:

— Бросьте советские рубли, составляйте в товарных.

Чувствую, что ударило меня в пот, но ничего. Начинаю составлять в товарных. На второй день заканчиваю, осталось только подписать, как опять появляется директор и кричит:

— Отставить! Немедленно делайте сметы в золотых рублях!

У меня по спине мурашки забегали. Пошел в ванную, облил голову холодной водой и сел. Через 21 час смета готова. И вот прибегает директор и орет:

— Бросьте золотые рубли. Составляйте в червонцах. Да поскорей.

Встал я со стула, посмотрел на директора, а потом из четвертого этажа вниз головой. К несчастью, упал удачно. Вот остался жить...

— Да-а!—протянул редактор уездной газеты—это действительно жуть.

— Нет,—вздохнул бухгалтер,—это не вся жуть...

И помолчав добавил:

— Я и теперь служу бухгалтером в тресте!

Красным редактором.

(Ко дню рабочей печати).

Дней революции редактор
В медвежьих уголках Руси!
Ты неустанно, словно трактор,
Пахал и севал, и косил.

Не феи добрые качали
Твою в заплатах колыбель.
Тебе Ревкомы в руки дали
Копье-перо и щит-портфель.

Закон партийной дисциплины
Всех более тебе знаком.
Ах, часто, часто рыком львиным
Тебя облаивал Уком.

Тебя и в хвост и в гриву били
И у-че-ка и эр-сэ-цэ
И коллективно проводили
Морщины на твоём лице.

Но ты не выпускал скрижалы.
Не уступая никому,
И даже в дни, когда сажали
Тебя враги твои в тюрьму.

Тебя созреть хотела Нэпа
И Роста не включала в сет, ь
Но ты, как сказочная репа,
Рос на советской полосе.

От октября промчались годы.
Преподнеси давно пора
В награду ордена и оды
Вам, «гладиаторы пера»!

Архип.

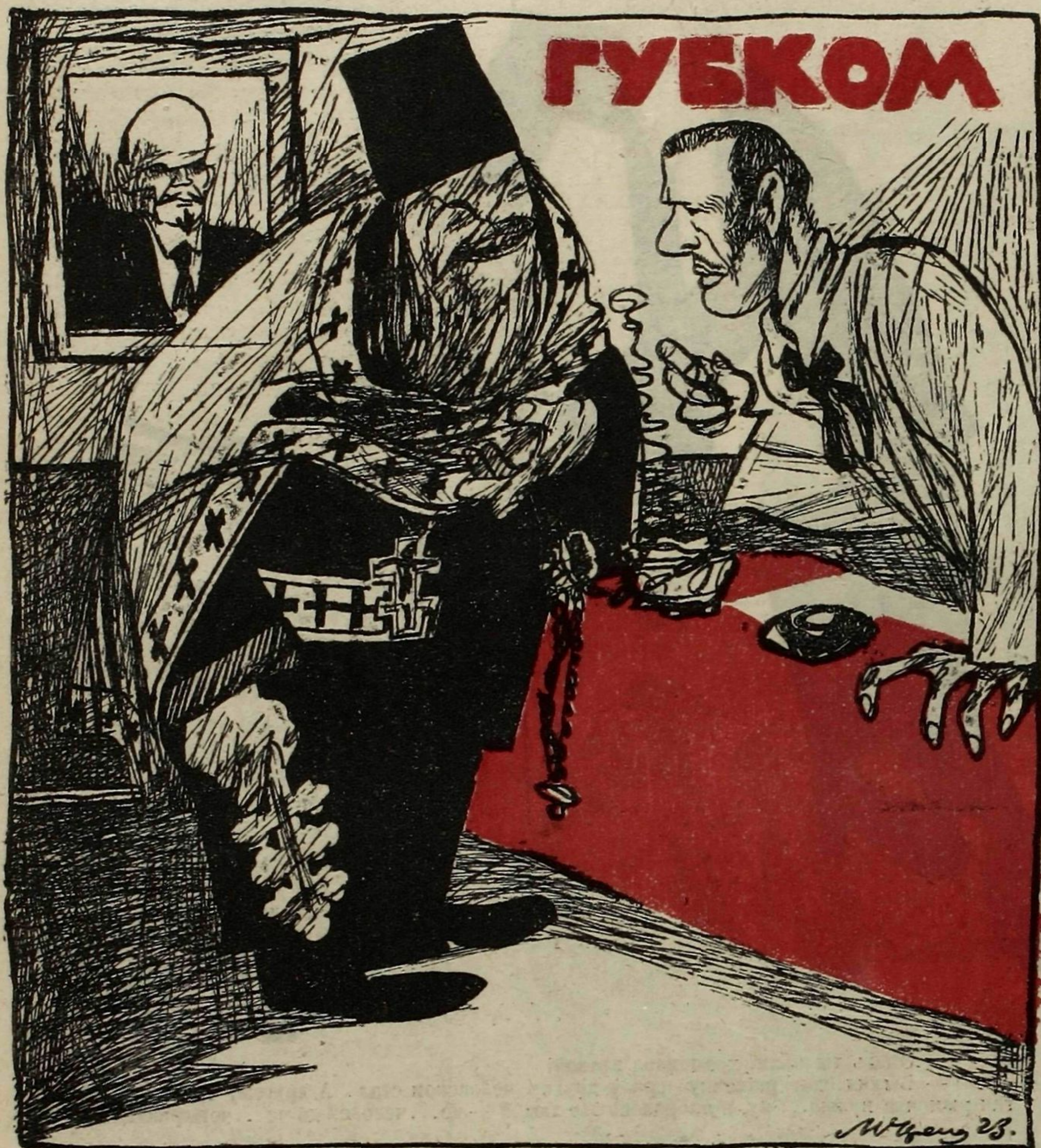
А. Южный.

ТОЖЕ ПРОИЗВОДСТВО.

В Ставрополе появились красные попы, которые признают Советы и РКП.

Рис. М. Черемных

Из газет.

Поп: — Зарегистрируйте нашу ячейку!
Секретарь: — А вы... из какого производства?
Поп: — Дураков делаем.

ВИЛЫ В БОК.

Щедрая дорога.

Некий неосмотрительный человек отправил в 22 году багажом свои вещи из Краснодара в Темир-Хан-Шуру. Багаж пропал и потерпевший наивно подал заявление о компенсации за пропажу. Переписка продолжалась ровно год и наконец разрешилась следующим документом:

ГР. МАХ-У ЧЕРЕЗ ДС Т. Х. ШУРА
«Вследствии заявления от 4-5-22 г. об уплате вознаграждения за недостачу двух мест багажа весом 5 п. 21 ф. по отправке Краснодар—Т. Х. Шура — 217 от 25-1-22 г. Коммерческо-Экономический отдел извещает, что претензия признана подлежащей удовлетворению в сумме 10 (десяти) копеек дензнаками 23 года.»
Далее идет объяснение устава и т. д.
Начотдела (подпись)
Нач. претензионной части (подпись)

Крокодил в восхищении. В какойнибудь год железная дорога сумела разрешить столь сложное дело. А говорят еще, что у нас бюрократизм и волокита!..

Для милого дружка.

«Вятская Правда» сообщает, что в один из волисполкомов Нолинск. у. пролез в председатели зажиточный крестьянин из кулаков.

Приходит к нему некая гражданка и просит дать аттестацию на предмет поступления на фельдшерские курсы.

Председатель «постарался» и дал такой «аттестат»:

«... предьявительница сего есть действительно беспартийная, в союзе Р. К. С. М. и ни в каких других союзах—не состоит и не состояла. За благонадежность же девицы я ручаюсь...»

Можно сказать, удружил, очевидно по старой памяти: помнит хорошо царские времена.

Репертуарчик.

Из афиш Введенского Народного Дома имени Баумана (Москва):

28 марта—«Князь Серебряный».
1 апреля—«Царь Федор Иоаннович».
Готовится—«Княжна Тараканова».

Для пролетарского театра букетик пахучий: князья, цари, княжны! Неужели же нет других пьес в Москве? Главполитпросвет, укажи!

«Весь Петроград».

Рязанская газета «Рабочая жизнь» констатирует, что

Президиум Касимовского уисполкома предложил отделу управления изыскать средства на выписку газет «Известия ВЦИК», «Правда» и книги... «Весь Петроград».

и удивляется:

— «Зачем Касимовцам понадобился Петроград, да еще весь,—неизвестно!». Есть слух, что Касим. Уисполком на будущей год подпишет на «Весь Париж».

Очень касимовцы хотят устроить свой город по лучшим образцам.

Удочерил... от страховки.

Поп пишет Исполкому:

«Я, пастырь с. Шуморова, Мологского уезда, имея свой дом, двух коров, баню, ульи, овцу и т. п. (до собаки включительно) принимаю в свою семью мою прислугу Анну Чалову.»

Исполком отвечает попу:

«Соглашение» с прислугой Чаловой получили. Отчаливай в нарсуд.

А суд постановил:

«Взыскать страховые».

И... баста. Год работала—за год уплати. А потом роднись, коли любо... Однако.—еще не перевелись хитрые пастыри.

«Революционный» вечер.

Что город—то норов. В г. Чебоксарах, Чувашский Обком РКСМ провел Комсомольскую пасху следующим образом:

Вот афиша:

- 1) 5 апр. Доклад «Наука и религия» (докл. секретарь Обкома). После доклада декламация и танцы.
- 2) 6 апр. Доклад о «Непорочном зачатии» и спектакль с танцами.
- 3) 7 апр. В Госчуваштеатре в 8 час. вечера грандиозный и антирелигиозный и революционный вечер. Участвуют самые лучшие силы г. Чебоксар. Конферансье—Максимов. Духовой оркестр. Танцы до утра. Роскошный буфет.

Крокодил просит Чувашский Обком РКСМ сообщить, приравнено ли в Чебоксарах обучение танцам к партработе или пока еще нет, и применяются ли Обкомом какие-нибудь иные методы агитации, кроме танцев и роскошного буфета?

«Нарком—Торг—Арака—Катя»

«Горская Правда» под таким заголовком обращается с «воззванием», комментарии к которому совершенно излишни:

«Есть во Владикавказе одно гнездышко, куда собираются провести время главковерхи от всех производств, представители Помгола, нарсуда и др... Эта «Катя» не раз забиралась Гормилицией, но вслед за «Катей» всегда летели бумажки, шли делегации от довольно солидных людей, так что приходилось «Катю» отпускать. На днях Гормилиция думает взять эту «Катю», чтобы вкатить ей за торговлю аракой. В виду этого покорнейшая просьба к главковерхам от милиции прекратить свои ходатайства.»

Гормил на «Катю» зубы точит,
А Катя слушает да ест,
И если Катя заклопочет,
То... всех посадит под арест!

Будущее милитаризма.

Рис. Д. Мельникова.

Не вечно солнце тучи хмурят —
Придут иные времена

И вырвут с корнем красной бурей
Милитаризма семена.

Письма с Урала Дяде Крокодилу.

(Письмо третье).

В Алапаевск

Прибыл без опоздания.
Прямо с вокзала попал на собрание
В металлургический завод.
Рабочие здесь боевой народ,
Давившие ваши почитатели.
Не пришлось мне времени тратить.—
И пяти минут не говорил,
Постановили: всем выписывать «Крокодил».
В Алапаевске же объявился Крокодиленок.
Вылез он только что из пеленок,
Возраст—два помера, пол—мужской;
Паренек боевой такой,
Молодой, а кусает за мягкое место
И местную цэпу, и спецов из треста.
Наследственность ваша видна в крови,
Поэтому я младенца усыновил.
На подобные вещи смотреть весело.
Двинулся дальше на
Американскую концессию.
Американцы, дядюшка, народ деловой,
С архи-хозяйственной головой,
К намеченной цели идут упрямо,
Разработана ими детальная программа—

Обстоятельна, широка, глубока,
Но—на будущее время, а пока...
В казармах рабочих тесно и грязно,
Воздух тяжелый, заразный,
Спят и под нарами и на полу.
Подивившись этому злу,
Узнал, что концессионеры
К устранению зла принимают меры.
Тут же узнал о другой «концессии»:
Некоторые работнички, покрывшись пле-

сенью,
Взяли соседнюю деревню в оборот.
Частенько кумышкой полощат рот.
А при случае целиком себя моют,
Напившись, колотят жен смертным боем,
А во славу правленских дам
Пыхтят над текстом приветственных теле-

грамм.

Поехал дальше, мечтая об отдыхе.

Посетил

Салдинские заводы

Где и праздник проводят в труде
В рабочем клубе в Нижней Салде
Вечером был на общем собрании.
Клуб интересное, дядюшка, здание:
Чисто, светло, большущий зал,
Читальня, сцена. Зав мне сказал,
Моему изумлению улыбнувшись радушно
Что при старых владельцах здесь были...
конюшни!

Действительно! Вот пролетарская воля!
Перепахано наново старое поле.
Вместо барских конюшен—клубы, школы.
А ведь были рабочие голодные, голы!
В Верхней Салде не застал дома
Председателя завкома,
Поэтому не мог расспросить о делах.
Но кажется, дядюшка, дело швах.
У завкома наверно печальная физия,
Потому что назначена ревизия.
В товарных вагонах темно, как в могиле.
Вылез вечером в
Нижнем Тагиле,
А утром с завкомом пошли по цехам.
Дядюшка! Есть ли трест без греха?
Наверное нету. Здешний в Тагиле
Грешен решением вопроса о... мыле.
Правленских лошадок мылят ездой
А рабочие мойся одною водой.
И в Тагиле рабочие мне говорили:
— Нельзя ль Крокодилу трест наш намылить?
Я, конечно, на это согласие дал,
Обрадовав и рабочих и охрану труда.
Из Тагила, протиснувшись в поезд еле,
Двинулся дальше к намеченной цели.
Дорога длинна, подобно тесьме.
О дальнейшем пишу вам в другом письме
Ваш, путешествующий по Уралу

Племянник Архип.

Рис. Ив. Малютина.

УБЕЙ ФУ!

Китайский черносотенец У-Бей-Фу прославился кровавыми расправами с китайскими железнодорожниками. Сейчас рабоче-крестьянские массы Китая ведут отчаянную борьбу с У-Бей-Фу. Из газет.

Иван Малютин 1923

КИТАЕЦ: — Убей Фу! Прищепи ему кос

У-БЕЙ-ФУ: — Ох, попадешь этим чертям, ралочим, в лапы, так не то что косы, — головы не свесешь!

Сказка и быль.

Жил был дед да баба, а у них сын-нечек Иванушка. Послал дед Иванушку свиней пасти и наказ дал: «Коль свинья станет корни у деревьев подрывать, то ты ее бей и не давай деревья губить».

Сказано—сделано.

Погнал Иванушка свиней. Пасет их час, пасет другой, свиньи гуляют, деревьев не трогают. Опечалился Иванушка: «Как же это я, мол, дедушкин наказ не исполнил. Ведь он сказал: бей свиней, коли корни ломать будут. Положим они корней не ломают, но все равно хоть побью их хорошенько—наказ выполню». Начал их бить ретиво, всех до смерти забил.

Долго ругали дед с бабушкой сына своего Иванушку.

Борется Советская власть с картежной игрой. Установила монополию на издание игральных карт и заставила Центроналог облагать их налогами в пользу охраны материнства и младенчества.

Взялся за дело Центроналог. Ретиво заработал. И в предписании своем всем Губфинотделам от 3 апреля 23 года за № 651049 пишет: «Для того, чтобы карты могли проникнуть в деревню, следует надлежаще поставить регулярное и достаточное снабжение картами Уфинотделов...»

Очень важно развить в должной мере рекламу, желательны вывешивание объявлений в вольисполкомах».

Аргус.

Письмо в „Крокодил“ из Челябиня.

Местком Челябинского Базисного Переселенческого пункта Центрозема, обращается к тебе, «Крокодил», живущему по соседству с центральными учреждениями Москвы, с просьбой сказать свое веское слово Центротделу по передвижению переселенцев при Центрозема, что его сотрудники Челябинского переселенческого пункта сидят у моря и ждут попутного ветра со стороны Москвы, который бы смог своей ветренной силой перенести кре-

дит из Центротдела Центрозема на уплату жалования сотрудникам за январь, февраль и март месяцы текущего года, так как слова месткома, поездка Начбазпереспункта в Москву с этой целью и посылка через Губотдел в Центральный Комитет Совработников отношения остались гласом вопиющего в пустыне. Единственная надежда сотрудников на защитника интересов рабочего класса и противника канцелярского бюрократизма, на тебя, наш милый «Крокодил».

Местком:

Председатель Месткома *Шахов.*

Секретарь *Печерский.*

Хорошие ребята, да грамота худа.

В гор. *Владимире* губ. издается газета РКСМ под названием «Смена». Газета, как газета, и даже на первой странице такие заявления:

«Среди взрослых «Рабочая газета» — среди рабочей молодежи — «Смена»! Нужно произвести коллективную подписку» и т. д.

А на второй странице читаем:

Мы, те комсомольцы, которых вы выделили из своих рядов в военноучебные заведения для изучения военного дела, чтобы с оружием в руках бороться против капитала и освобождения пролетариата всего мира».

И дальше:

Коллектив РКСМ просит местную организацию снабдить его образцами местной литературы, дабы этим закрепить связь с провинцией...

Хороша местная литература, считающая своей задачей «борьбу против освобождения пролетариата»! Хорошенькую связь заводят владимирские комсомольцы с деревней!

Но и в городе не лучше: на четвертой странице читаем отчет о комсомольской пасхе:

После доклада прошла беседа о религии, выступили декламаторы на антиреволюционную тему, потанцовали, и ребята разошлись по домам усталые и голодные, но довольные и счастливые...

Рис. Д. Мельникова.

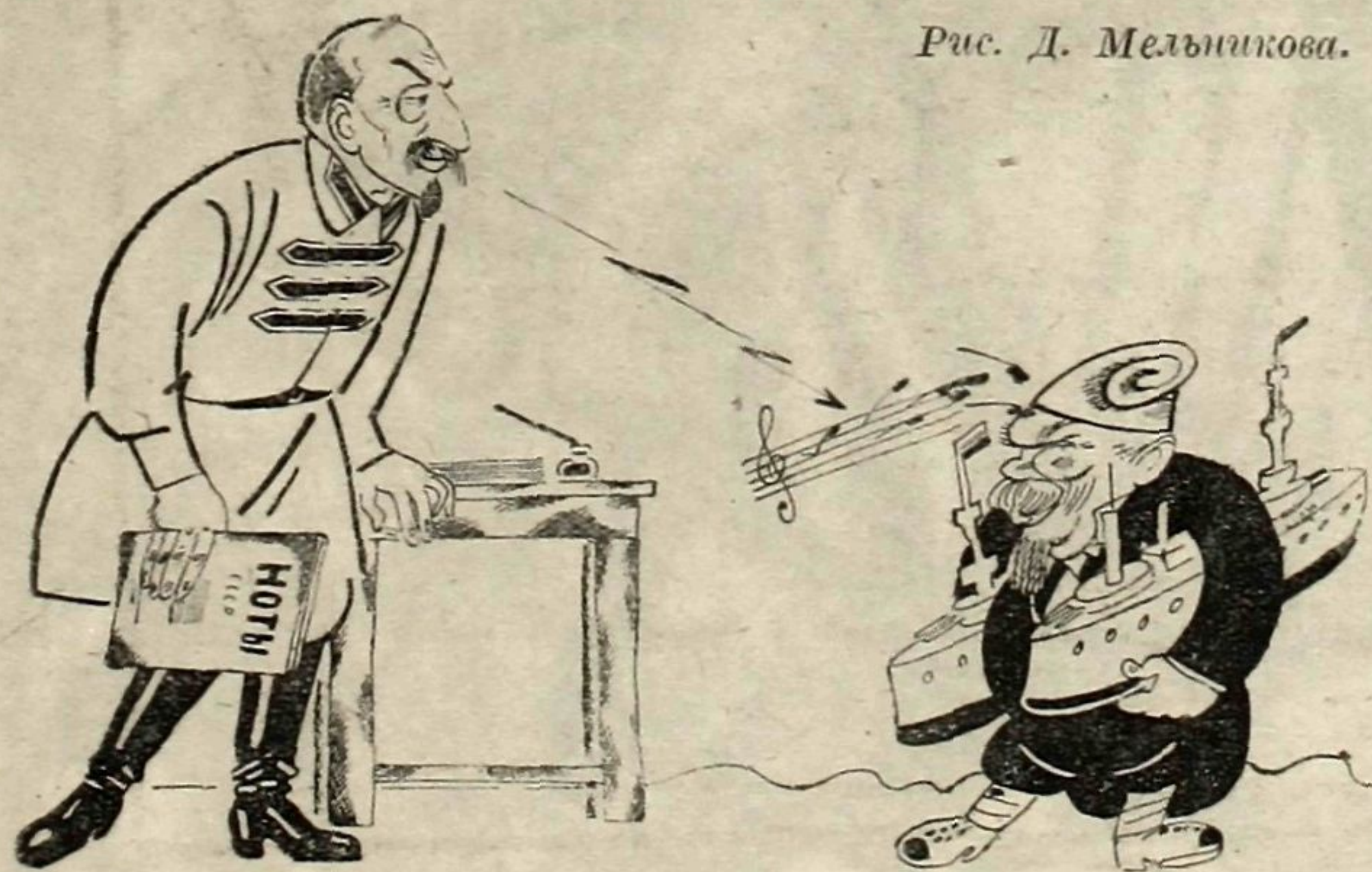
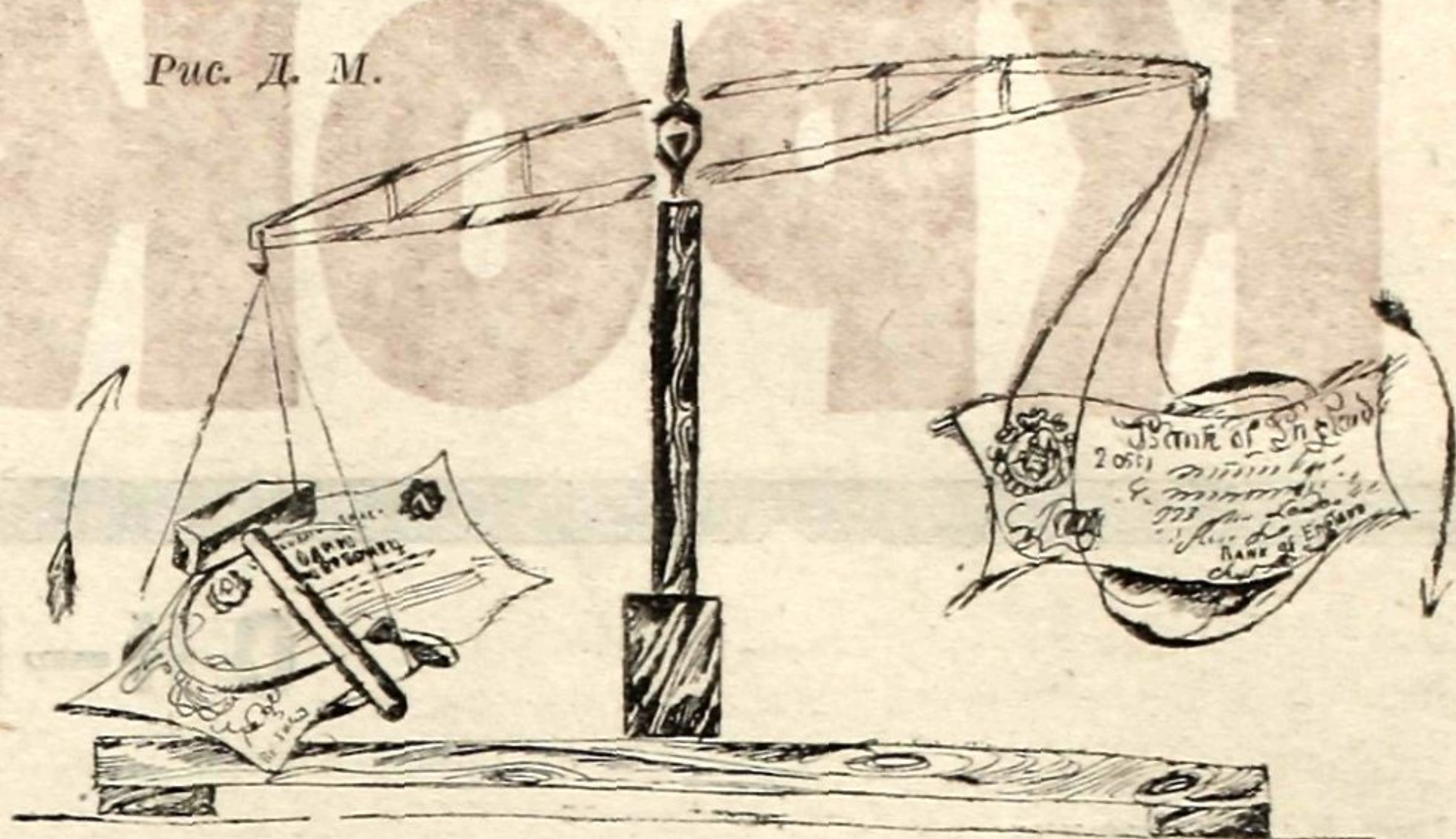

Рис. Д. М.

Хороши наши ребята, только грамота худа!

Комсомольцы, надо грызть хорошенько грамоту, а то потом обломаете зубы на граните науки. Поспешите, чтобы на смех не подымали вас за такие статьи.

Комсомолец.

Помещики возвращаются.

При Шатиловской опытной станции имеется семенная артель, помещающаяся в имении бывш. проф. Арцыбашева. Зимой в имении живет один лишь уполномоченный, а летом местность превращается в дачную.

Весной приезжает первым помещик Тыртов. Ходит по имению и, обращаясь к уполномоченному, говорит:

— Ах, как нагадил совет. А?..

Потом приезжает Арцыбашев. Рабочим к его приезду приказывают убрать все во дворе, одеться почище и грязными не ходить. Крестьяне окрестных селений тоже ждут барина — некоторые ночей не спят, а старухи готовят для него масло, яйца и молоко — поздравить с приездом...

Перелетный.

А не сечет этот помещик мужиков и старух на конюшине? Следовало бы... Пусть помят, что у нас советская власть и всяким барам потачки давать не следует!

Обнимает необ'ятное.

Товарищ Крокодил.

Рабочие Теплогорского завода просят, чтобы приехал ваш младший брат «Безбожник». Но вопрос в том, что не знаем сколько стоит его проезд до Теплой горы, и в виду этого не можем ему выслать на проезд денег, а то уж больно нам хочется с ним познакомиться. У нас Заведывающий Военным Отделом Промысловской волости, тов. Харламов, в то же время и член Исполкома, занимает две должности по совместительству; он же и Председатель церковного совета. Так вот нам и желательно познакомиться, может в Москве тоже так ведется или по другому.

Рабочие.

Почтовый ящик.

МОСКВА.

С. Т—ко. «Ширмач, грача напоит, блатных ребят, шкара и т. д.». Языка ширмачей не понимаем.

ПРОВИНЦИЯ.

Грозный.—И. Кав—у.

«Под гигантом в желудковом шлеме

Положите спать меня, друзья, Привяжите солнце за колени, Чтоб вечно видел солнце я, друзья».

Способ радикальный, но несколько неудобный: ведь солнце ходит вокруг земли, как говорят старые бабки-знахарки. Вдруг оно вас утащит за землю?

Краснодар.—Нубанцу.

«Пенза станция прекрасна, Но в одном она ужасна.

Забывает иногда,

Груз-то прибыл к ней когда?

Пензой интересуемся, а факт мелок. Не пойдет.

Царицын.—Читателю. Подпись ваша заверена секретарем школы и печатью, но стихи от этого лучше не стали.

Омск.—Ан-л-ову.

«За мой чулан, за мой глазет, За дом мой, за помойник,

Клады-ка деньги в мой висет

И вон пошел, разбойник».

Совсем было бы хорошо. Да только неграмотно малость.

Донбас.—В. Трилю. Стихи слишком длинные.

44-я дивизия.—И. Т. «Ротная командирша» будет своевременно проглочена «Крокодилом».

Новгород.—Л. Петрову. В «Сапоге и червонце» юмор отдает мертвецкой. Слишком мрачно.

Павлоград.—Демьяну Богатому. «Прими сие и помести в моем любимчике, чтоб я прочел его».

Печатать только для того, чтобы прочел автор, не привыкли. А скажите: вправду вы—Демьян? Что-то про Богатого мы не слышали.

Ст. Есклар, Ташкентск. ж. д.—Ивану. «Комсомольская пасха» чуть-чуть к следующей пасхе не попала. Опоздали.

Моршанск.—Скороходову. Даже крокодилий желудок не выдерживает такой неудобоваримой и однообразной пищи, как попы. Хочется чего-нибудь посвежее.

Александров.—Чай-Нотыгнову. «Сборь» надо писать не через З, а через С, даже если пишут вашим стилем, как-то:

«И на чего оно сведо

Да и себя не учитал».

Александровка.—Сухову. Рисовать для «Крокодила» не так легко, нужно много учиться.

Редактор—Ред. Коллегия.

Издание «Рабочей Газеты».

МОСКВА, Охотный ряд.

КРОКОДИЛ

ОН—НЕ ОН.

Церковный собор признал, что Тихон в своей деятельности, пользуясь своим положением и саном, ввел в заблуждение церковные массы и лишил Тихона сана патриарха. Отныне Тихон—мирянин Василий Белавин.

Рис. Ив. Малютина.

— Все говорят, что я голодным не помогал, контр-революцию разводил... Это все делал Тихон,— а я сниму вот эти причандапы и буду мирянин—Василий Белавин.